

Декабрь.

РУДИНЪ

№ 2

Е.П

Цѣна 20 к. На ст. жел. дор. и въ провинціи 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛЕВЪ НИКУЛИНЪ	Петроградъ (стихотв.).	М. А. РЕЙСНЕРЪ	„Поговорили“
Р. ВЛАСТА	Грѣхъ	ВЛАДИМІРЪ ЗЛОБИНЪ	Венеція (стихотвор.).
А. МАСЛОВЪ	Мадригаль (стихотв.).	ИВАНЪ ЕВДОКИМОВЪ	На вечерней набереж- ной (стихотвор.).
ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ	Художнику (стихотв.).	РИКИ-ТИКИ-ТАВИ	Россія въ мечтахъ
Л. ХРАПОВИЦКІЙ	Валерій Брюсовъ и „вѣчно женское“	ДИМ. КРАЧКОВСКІЙ	Библиографія
В. СВЯТЛОВСКІЙ	Море (стихотв.).	М. ЛАРИНЪ	Труба Іерихона

ОБЛОЖКА Е. Праведникова.

КАРРИКАТУРЫ. А. Топикова.

ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ . С. Н. Грузенберга, Е. Праведни-
кова, Н. И. Струнке и Л. Н. Пѣ-
тухова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Альтшулера, Фонтанка 96.

1915.

ЛЕВЪ НИКУЛИНЪ.

Петроградъ.

Уже просвѣчиваль въ узорѣ
Чугунъ затѣйливыхъ оградъ,
Уже алѣли въ небѣ зори
И обагрjali Петроградъ.

И возвращаясь на разсвѣтѣ,
Мечтать и вѣрить не уставъ,
Я видѣлъ переломъ столѣтій
И аллебарды у заставъ.

Какія тѣни въ окнахъ синихъ,
Когда лампада догоритъ?
Жестокій Биронъ, или Минихъ,
Превознесенный фаворитъ...

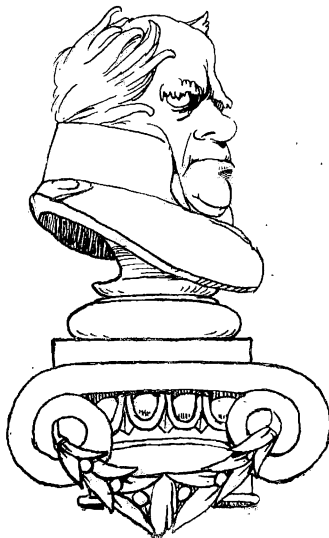
Въ каріатидахъ Эрмитажа
Одна и таже рабья злость,
И кто-то въ шляпѣ и плюмажѣ
Идетъ, перегибая трость.

Тревожимъ затаенной местию,
Онъ смотритъ каждому въ упоръ—
Сегодня звѣзды и помѣстья,
А завтра плаха и топоръ..

А дальше, за гранитомъ рамокъ
Каналовъ запертыхъ съ утра
Я вижу инженерный замокъ
И профиль бронзовый Петра.

Упалъ на лобъ тяжелый локонъ
Изъ подъ тяжелаго вѣнка,
И тѣнь убитаго, у оконъ
Сжимаетъ шпагу у клинка.

И тотъ, кого онъ здѣсь поставилъ
На зло другому, у Невы,
Не видитъ, какъ проходитъ Павелъ
Въ лучѣ разсвѣтной синевы...

Р. ВЛАСТА.

Грѣхъ.

На общественной аренѣ одной изъ столицъ разыгрался веселый фарсъ.

Честь, достоинство и красоту дѣйствующихъ лицъ спасло лишь то обстоятельство, что у большихъ городовъ имѣется хорошее свойство: быстро уничтожить въ массовыхъ углетушилкахъ всѣ ядовитые газы человѣческой злобы, ненависти, предательства, клеветы, чернымъ пламенемъ вылетающіе изъ пасти многомилліоннаго города.

„Вы слышали?“—говоритъ при встрѣчѣ на Невскомъ проспектѣ одинъ ближній другому ближнему объ ихъ третьемъ ближнемъ.

Двое ближнихъ впадаютъ другъ въ друга, обуреваемые благородной страстью человѣчества—злословіемъ... Мимо несутся тысячи ногъ прохожихъ, равнодушно попирая своей пятой блуждающіе огни сплетни, которая покрывается пепломъ и тухнетъ... Безъ воздуха и свѣта даже самый низкій микробъ человѣческой души обреченъ гибели и провалу...

Углекислота два дня не переставая сильно выдѣлялась и кружилась надъ академическимъ кругами: уважаемый профессоръ, Евгений Александровичъ Лервинъ, будучи уже три года женатымъ на молодой, красивой Вѣрѣ Димитріевнѣ, осмѣлился увезти дочь ректора, шестнадцатилѣтнюю Соню Муратову и, не повѣнчавшись, сталъ мирно наслаждаться семейнымъ счастьемъ...

Корешки всѣхъ книгъ на профессорскихъ полкахъ мерцали зловѣщими страницами неопровержимыхъ доказательствъ преступности профессора Лервина.

Коллегія ученыхъ плотнымъ кольцомъ окружила

зеленую, благоухающую счастьемъ клѣточку двухъ влюбленныхъ, увеличительныя стекла микроскопа нравственности требовали во имя научной объективности немедленной казни двухъ сердець...

Жизненный темпъ столицы спасъ Лервина.

Кучка какихъ-то безумцевъ зажгла красные фонари на черномъ зданіи Петропавловской крѣпости... Поднялась смута...

Профессора тревожно навели микроскопы на другую сторону Невы... И Соня, съ разцвѣтающимъ букетомъ любви къ Евгению Александровичу, и Вѣра Димитріевна, раздувающая большой костеръ ненависти къ бывшему мужу, и старый ректоръ Муратовъ, простершій руки къ обществу съ моленіемъ о казни блудницы—дочери, и нагло сияющій безконечной радостью достиженія, виновникъ всего происшедшаго, профессоръ Лервинъ,—все это стало неожиданно для судей кучкой пепла, которую подхватилъ вѣтеръ на 3-ей линіи Васильевского острова и безслѣдно разсѣялъ по смежнымъ улицамъ...

Черезъ годъ героиня свободной любви корчилась въ страданіяхъ и умоляла Бога сжалиться и послать ей смерть. Очевидно, милосердіе свойственно небесамъ: Соня перестала кричать, лицо стало снова красивымъ, молодымъ. Нарядная, она лежала на столѣ, вся усыпанная цвѣтами. Профессоръ Лервинъ, какъ нищій стоялъ около, не видя и не замѣчая, какъ одна изъ гвоздикъ на холодной груди Сони одѣлась живымъ красненькимъ тѣльцемъ и жалостнымъ „уа“ наполнила всю квартиру...

Вѣра Димитріевна, осторожно ступая на узенькій носокъ, подошла къ Сонѣ... Богиня Смерть встала между ними и протянула Вѣрѣ Димитріевнѣ клубокъ, на которомъ были намотаны красныя нити многихъ жизней... Вѣра Димитріевна съ ужасомъ отстранилась, но Богиня успѣла зацѣпить одну изъ нитей за сердце Вѣры Димитріевны и начала танцовать послѣднюю пантомиму изъ жизни Сони... Молодая женщина спокойно взглянула на эту забаву и твердо направилась въ сосѣдную комнату на крикъ дѣвочки—гвоздики. Отворивъ дверь въ спальню, она сильно поскользнулась и чуть чуть не упала: ночная туфелька стояла передъ порогомъ, отброшенная чьей то суетливой ногой съ бѣлаго коврика, гдѣ обыкновенно стояла она раньше передъ кроватью Сони въ парѣ со своей сиреневой сестрой. Нерѣдко туфельки слышали смѣшныя слова, но не удивлялись.

— „Женя, одѣнь Сонѣ туфельки, ножки сами не хотятъ одѣваться“—говорила капризно Соня болтая въ воздухѣ розовыми пятками... Евгенийъ Александровичъ весело опускался на колѣни ловилъ и цѣловалъ тоненькія ножки и съ трудомъ нахлобучивалъ на кончики пальцевъ сиреневыя лепестки... Соня заливалась смѣхомъ, выкрикивая: „ай, щекотно, ай, не умѣешь одѣвать“.

Въ то самое время, какъ Вѣра Димитріевна проходила свой крестный путь отъ стола, на которомъ покоилась Соня, до двери ведущей въ спальню, профессоръ Муратовъ дѣловито подписывалъ бумаги, и чиновникъ, аккуратно приложивъ къ его подписи пропускную бумагу укладывалъ ихъ въ портфель...

Чиновникъ и перстень на его кривомъ мизинцѣ, портфель и бумаги, всѣ они уже знали и кривляясь говорили Муратову о смерти его дочери... „Молчать“, крикнулъ онъ и строго продолжалъ подписывать, а на прощанье прибавилъ: „Библиотеку нужно лучше топить—студенты жалуются...“ Портфель низко поклонился и ушелъ...

Старикъ остался сидѣть за своимъ важнымъ столомъ... Рука потянулась къ кучкѣ бумагъ... Темно-синій булыжникъ своей тяжестью распласталъ въ гладкую поверхность листки разнаго формата, разныхъ вѣдомствъ и разныхъ требованій. Костлявая ладонь ректора механически легла на каменное тѣло песчанника, и своей тлѣющей теплотой стала согрѣвать ее... Изъ подъ вершины налегшаго пресса выглядывалъ заголовокъ: „конфиденціально“... Дальше шло: „Министерство народнаго просвѣщенія“... Остальная часть бумаги была скрыта, лишь пугливо выглядывали заключительныя строки: „экстраординарнаго профессора С. Я. Иванова представить къ увольненію отъ занимаемой имъ должности по 3-му пункту 788 статьи...“

Камень сталъ теплымъ подъ ладонью ректора... Ожилъ... И тихонько напомнилъ ему: „Соня нашла меня на берегу моря у острова Рюгена“:— „Папочка, возьмемъ этотъ камень съ собою въ Россію, онъ такой красивый и странный... знаешь, мнѣ кажется, въ немъ лежитъ окаменѣвшая душа короля Стоислава“.

Судорога прошла по лицу ректора... Камень сморщился отъ холода падающихъ на него слезъ, и ручейки безграничнаго горя поползли и осѣли пятнами „на окаменѣвшей душѣ короля“.

Трескъ телефоннаго звонка встряхнулъ сломанную спину Муратова, онъ сдѣлалъ официально-ректорское лицо и приложилъ трубку къ уху...

— „Нѣтъ, Евгенийъ Александровичъ, не ждите, на похороны я не поѣду... Такъ поступила бы и моя жена, еслибъ была въ живыхъ... Оставьте...“

Соня умерла для меня давно... Извиняюсь, я вѣшаю трубку“...

Смерть продолжала дергать за красныя нити. Одинъ конецъ оказался туго замотаннымъ на толстомъ сердцѣ толстой женщины, сидѣвшей на маленькомъ диванѣ будуара Вѣры Димитріевны въ противоположномъ углу города.

Сердце матери Вѣры Димитріевны раскрывалось передъ высохшей грудью пріятельницы... Обѣ женщины плавали въ слезахъ... Ангель Скорби съ закрытыми отъ усталости глазами собиралъ въ огненную чашу стоны и печаль двухъ матерей.

Ихъ скорбь шла тремя руслами:

Послѣ измѣны Евгения Александровича Вѣра рѣшила умереть—ужасъ потерять дочь... Безсонныя ночи...

Вѣра рѣшила мстить и на зло Евгению Александровичу хотѣла сойтись съ его величайшимъ врагомъ—опять безсонныя ночи... Ужасъ видѣть дочь снова несчастной и рабски униженной.

Вѣра начинаетъ забывать: она, кажется, любитъ сына изсохшей подруги...

Но... Смерть этой „негодницы“, и сердце Вѣры снова брошено къ ногамъ „жестокаго урода“.

Ангель покачалъ головой и бережно держа чашу исчезъ въ Вѣчности.

Въ первую ночь послѣ похоронъ Сони Евгений Александровичъ взялъ съ ея ночного столика книгу и, крѣпко держа ее измученными руками, положилъ на столъ, передъ собою. Остовъ его души съ наслажденіемъ сталъ одѣваться въ непостижимыя антиноміи, какъ надгробный памятникъ брошенная великимъ философомъ на млечный путь человеческой мысли.

Буквы ложились гримасами, продавливая темя Евгения Александровича: „У міра нѣтъ начала, нѣтъ границъ.. Онъ безконеченъ.“

Часы пробили 12 прежде, чѣмъ профессоръ синтезировалъ мелькавшія страницы...

„Нѣтъ ничего простого, нѣтъ ни цѣлого, ни частей.. Нѣтъ свободы... И нѣтъ никакого необходимого существа, которое было бы въ мірѣ, внѣ его или какъ его причина.“

Часы пробили разъ, два... „Какъ время такъ и пространство, призраки, при помощи которыхъ мы схватываемъ окружающее... Міръ феноменовъ... Нѣтъ ничего...“

Евгений Александровичъ стоялъ посреди комнаты и чутко прислушивался: гдѣ-то близко печально пѣли не переставая уа... а.. а.. а... Онъ крѣпко сжималъ пальцы и мучительно что-то вспоминалъ.. „Да, нумены... Есть еще нумены!!...“ Дрожащей рукой онъ нажалъ кнопку звонка...

Встревоженная и заспанная фигура стараго лакея искривленной дугой стояла въ дверяхъ.

— „Петръ, дайте мнѣ второй томъ Канта, онъ лежитъ на ночномъ столѣ...“

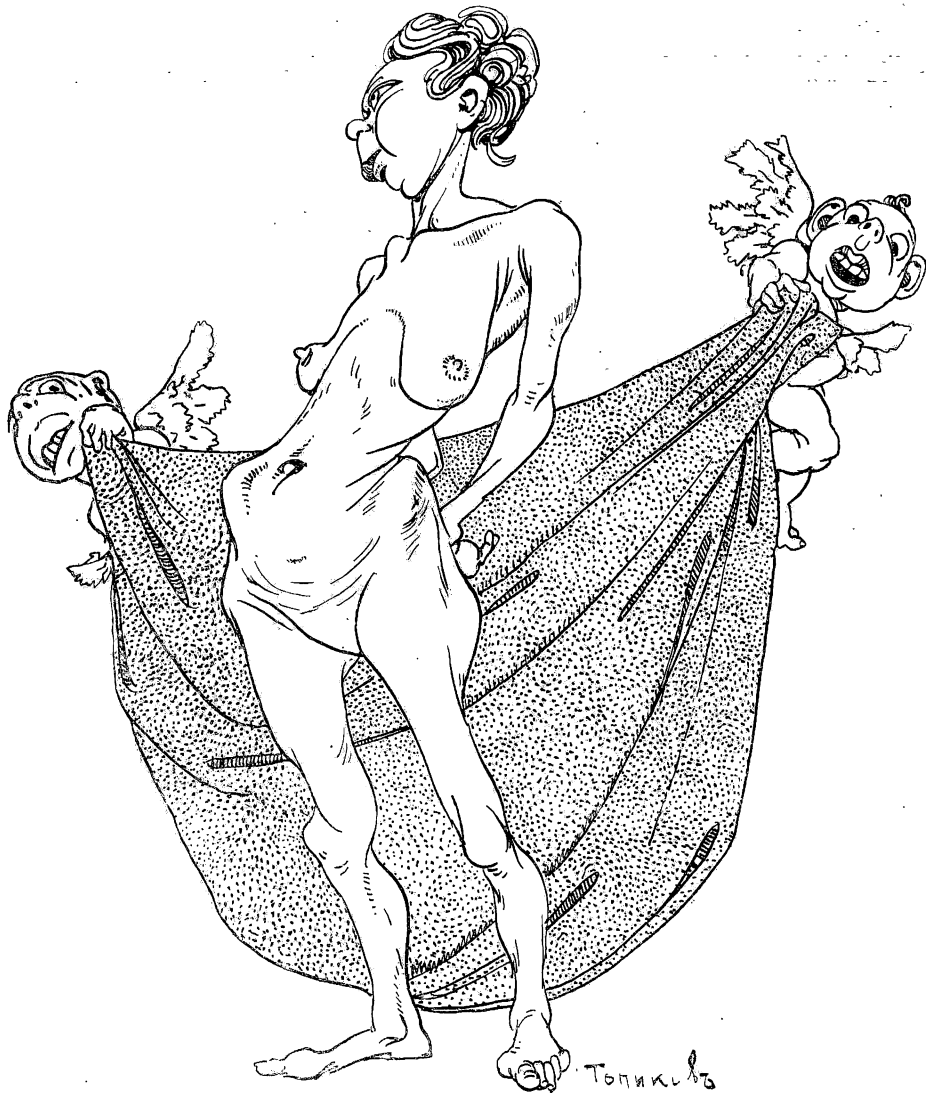
„Никакъ нѣтъ, Евгенийъ Александровичъ, покойница приказали положить его съ собою въ гробъ“.

Профессоръ почувствовалъ тяжесть и вѣсъ своего большого тѣла... Оно стало быстро расти и увеличиваться въ объемѣ...

Какъ во время ледохода на Невѣ, такъ въ тѣсномъ черепѣ Евгения Александровича съ трескомъ и шумомъ ломались льдины мыслей, причиняя ему смертельную боль...

Сонный выстрѣлъ смѣшался съ бархатнымъ боемъ часовъ... Время побѣжало дальше, а профессоръ Лервинъ остановился навсегда.

Р. Власта.

А. МАСЛОВЪ.

Мадригалъ.

Нѣтъ, не повѣрю я! такое безобразье
 Не можетъ быть само: навѣрно рождена
 Была ты мерзостной и незаконной связью,
 И брата и сестры здѣсь тайная вина;

За впадины грудей, за острия колѣни,
 За неподвижный взоръ, за выпуклость ушей
 Должны разбойничать десятки поколѣній,
 Насиловать старухъ и убивать дѣтей;

Должно быть предокъ твой, подъ старость разувѣрся
 Въ загробномъ торжествѣ и благодати небесъ,
 Днемъ проповѣдывалъ кощунственную ересь,
 А ночью совершалъ обряды черныхъ мессъ.

И вотъ изъ этой мглы, изъ пѣны ядовитой,
 Затмивъ своимъ лицомъ насилья и порокъ,
 Ты вышла на берегъ—вторая Афродита,
 Прекраснаго стебля достойнѣйшій цвѣтокъ!

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

Художнику.

Сегодня Вы опять большой, какъ тишина ..
Исполнены томленій и корысти
На полотнѣ безшумно спорятъ кисти
И тайна творчества загадки лишена.

Часъ набѣгающій,—обѣтованный даръ,
Онъ—обѣщаніе, залогъ, измѣна,
До боли переполненная вена,
Съ трудомъ несущая замедленный ударъ

Палитру золотить густой, прозрачный лакъ,
Но утолить не можетъ новой жажды:
Мечты бѣгутъ, не повторяясь дважды,
И бѣшенно рука сжимается въ кулакъ

Апрѣльское тепло не смѣя расточать,
Изнеможденный день пошелъ на убыль.
А на стѣнѣ все такъ-же мертвый Врубель
Ломаеть ужаса застывшую печать.

Но есть предѣлъ желаній и труда,—
Смѣется на холстѣ лицо Горгонны,
Смѣется гибельно, превозмогая стоны,
Какъ подъ ударами гремящая руда!

Л. ХРАПОВИЦКІИ.

Валерій Брюсовъ и „вѣчно женское“.

Кѣмъ-бы ни былъ поэтъ, трагикомъ, придворнымъ пѣвцомъ; или министредемъ бульваровъ, но всегда въ періодъ наибольшей духовной зрѣлости онъ завершаетъ недосягаемый и замкнутый міръ своей мечты.

Для Шекспира—это театръ, широкіе подмостки аббатствъ и крѣпостей, тѣни междуусобныхъ войнъ, беспощадные, непреодолимые характеры „хроникъ“.

Мольеръ рисуетъ царство жеманной ироніи, улыбающагося мизантропа, философа и кавалера, подъ музыку королевскихъ контрдансовъ и отдаленный ропотъ націи. Такъ создаются цѣнности столѣтій, народовъ, исторіи.

Наше время тоже запечатлѣло, какъ на восковой медали, четкій профиль своего героя, и поэзія создала вокругъ него необитаемый, отдаленный островъ мечтаній.

Вотъ онъ, этотъ таинственный Китежъ-Градъ встаетъ передъ нами въ описаніи величайшаго русскаго поэта, Валерія Брюсова.

„Во всей красотѣ златораморныхъ стѣнъ
„Дворцами и храмами легокъ и пышенъ.
„Весъ городъ вставалъ изъ приборевъ и пѣнъ..“

Правда, высокія пристани пустыни, галеры безъ гребцовъ кажутся гробами, запертые двери—мертвыми. Городъ мечты пусть и заброшенъ, но зато въ воздухѣ, при каждомъ вздохѣ и дуновеніи струится невнятный, горячій, тревожащій аромать.

Какой прекрасный, чистый поэтическій символъ! Поэтъ, избѣгая вульгарныхъ сравненій, нектара и амброзии классическаго Олимпа, тревожитъ наше воображеніе прелестнымъ чувственнымъ образомъ. Но это еще не все. Счастливыцы, занесенные бурями на островъ блаженства, постепенно выясняютъ тайну этого неземнаго благоуханія:

„Все было безумно, мертво, опустѣло,
„Но всюду, у портиковъ, въ сводахъ, въ тѣни
„Дышало раздѣтое женское тѣло,
„И въ запахѣ этомъ мы были одни...“

Бѣдные аргонавты XX вѣка! Они не вынесли возвышенной красоты, которой ихъ окружила фан-

тазія поэта. Опыяненные „жаднымъ желаніемъ“, не въ силахъ „подавить трепетанья свои“, они стали „кидаться на плотные двери“, какъ „первые люди, какъ дикіе звѣри“.

Даже ночь, даже роскошь обширныхъ дворцовъ не приносятъ облегченія страдальцамъ; напротивъ, мученія ихъ съ каждымъ часомъ становятся глубже, неутолимѣе. Бѣдкій запахъ, пресловутый запахъ „женскаго тѣла“ становится все „изначальнѣе и полнѣй“.

Кажется, нѣтъ большаго паденія, большаго униженія челоуѣческой гордости:

Какую же развязку этого чудовишнаго романа, какой выходъ изъ гнуснѣйшаго положенія находить геніальный лирикъ?

Оказывается, что безславное страданіе, страданіе неудовлетвореннаго физиологическаго возбужденія легко претворить въ особыя упоенія сверхчелоуѣка.

Стоить только забыть земныя, грубыя радости, первобытное, дешовое счастье любви. Тогда, въ „незримыхъ объятіяхъ“, въ пароксизмѣ безпредметной страсти, на подушкахъ и коврахъ пустой спальни познаетъ новый челоуѣкъ свое новое садическое блаженство:

„Въ немъ есть наслажденье до слезъ и до боли,
„И сладко лежать намъ въ пыли и крови,
„И счастью взамѣну—не надо намъ воли
„И зримыхъ лобзаній, и явной любви“.

Однако, именно рядомъ съ „зримыми лобзаніями“ и „явной любовью“ „безплотный“ идеаль Валерія Брюсова обрисовывается особенно ярко и живительно.

Бѣдный, чувствительный рабъ, прикованный къ постели обожаемой повелительницы; какъ страстно онъ блѣднѣетъ, въ ожиданіи „безвѣстныхъ грезъ“ этой ночи. Наконецъ, „стопой неспѣшной“ входитъ она, жестокая царица. Ея одежды спадаютъ. Нагая, восходитъ она на ложе. Въ невѣрномъ свѣтѣ факеловъ влюбленный рабъ замѣчаетъ юношу, который быстро „скользнулъ къ постели“. Затѣмъ, послѣ того, какъ „лампады свѣтильни прошипѣли“, начинается великое испытаніе. Но пре-

доставимъ герою лично передать впечатлѣнія этой волшебной ночи.

„И было все на бредъ похоже,
„Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
„Всего, что тайно кроетъ ложе,
„Ихъ содроганій, стоновъ ихъ“.

Если-бы на мѣстѣ раба былъ простой смертный, мы безъ особаго труда могли бы угадать конецъ нравоучительной баллады—циническій хохотъ, безобразная свалка на заманчивомъ ложѣ, и чьенибудь перекушенное горло.

Носитель новой морали поступаетъ иначе: изъ грубаго міра дѣйствительности онъ предусмотрительно погружается въ царство мечты, сладкихъ воспоминаній и несбыточныхъ надеждъ,

„Вотъ сосланъ я въ каменоломни
„Дроблю гранитъ, стирая кровь.
„Но эту ночь я помню... помню,
„О, если-бъ пережить все вновь“.

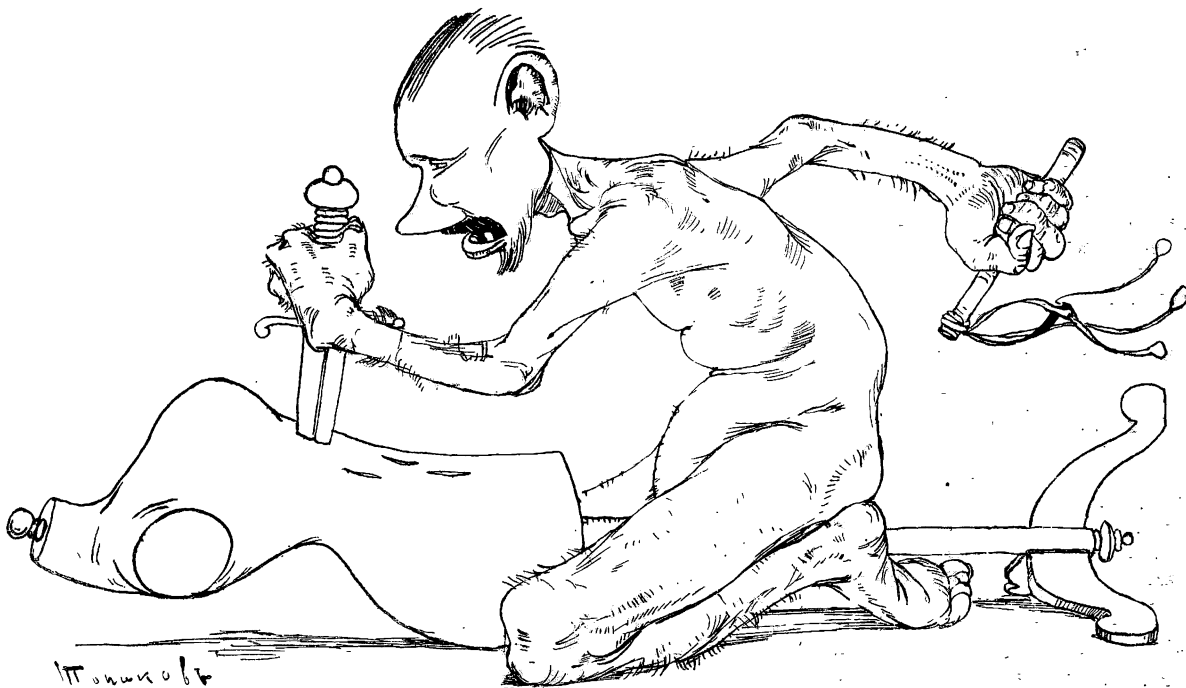
Къ сожалѣнію, время и мѣсто отнимаютъ у насъ возможность болѣе подробнаго изслѣдованія.

долго оставляютъ наединѣ. Преданныя невольницы пользуются наступившей темнотой, чтобы „къ ногамъ бѣлѣе бѣлыхъ лилій прижать кровавыя уста“.

„И съ этихъ поръ едва темнѣло,
„И жизнь немѣла въ снѣ ночномъ,
„Въ опочивальнѣ къ тѣлу тѣло
„Сближались мы, таясь, втроемъ“...

Бѣдный Оскаръ Уайльдъ! Твое имя когда то втоптали въ грязь, твои прекрасныя книги перерывали, какъ перерываютъ грязное бѣлье, чтобы найти хотя бы тѣнь порока. Ты былъ заклеимень, опозорень, развѣнчанъ, твоя душа сгнила въ одиночествѣ тюремной камеры. Въ Европѣ нашлись сотни тысячъ людей, которые брезгали твоей ошеломившей, твоей ослабѣвшей, просящей рукой. Когда это было? Да, очень, очень давно, почти 16 лѣтъ тому назадъ. Неправда ли, ужасно досадно! Теперь мы, судьи Уайльда, могли-бы его многому научить!

Вотъ наша любовь, подобная палачу, распинаетъ „безъ улыбки и жалости“ окровавленные тѣла

Впрочемъ, читатель можетъ найти весьма цѣнныя детали и отѣнки вышеописаннаго случая въ любовъ учебникѣ, учебникѣ по психо-патологіи. (Смотри садизмъ, мазохизмъ и т. д.)

Но будемъ продолжать. Чудесный міръ поэта открытъ передъ нашимъ восхищеннымъ взоромъ далеко не во всей своей полнотѣ и свѣжести. Сколько скромныхъ тѣнистыхъ переходовъ, сколько дверей за тяжкими восточными коврами. Мы вступаемъ въ сераль—здѣсь царить женщина.

Она „какъ свѣтъ прекрасна“ и какъ сіяніе свѣтла. У ногъ ея двѣ ефіопки-рабыни съ опахалами, готовые на все ради блѣднолицей повелительницы.

Добродушный читатель, я вижу, ты тронуть, ты готовъ простить поэту нѣкоторую распушенность воображенія, блестящія излишества темперамента!

Хорошо, смотри-же, чѣмъ кончается дружба трехъ молодыхъ женщинъ, если ихъ слишкомъ

своихъ жертвъ. Скорченные и страшныя, вѣчно раздѣленные тюремной рѣшеткой, днемъ и ночью палимыя вожделѣніемъ, какъ они прекрасны, въ своемъ искаженномъ блаженствѣ, эти любовники смраднаго погреба.

О, проливайте слезы умиленія на руки истязателей, пусть они тѣшатся вашимъ тѣломъ, глумятся вашей наготой, рвутъ щипцами слабую, нѣжную, разгоряченную плоть; зато свѣтлое сіяніе „архангеловъ“ осѣнитъ вашу пытку, у позорнаго столба вкусится райское блаженство!

„Сестра, спросилъ меня онъ (ангелъ), ты тверда?

„И подалъ мнѣ отрубленные груди.

„Я какъ невѣста отвѣчала „да“

„И къ небу протянула ихъ на блюдѣ,

„Не зная, гдѣ страданье, гдѣ любовь“...

Но, вѣдь, иногда самому строгому постнику хочется крѣпко укусить ломоть скромной, даже грязноватой пищи и утолить свое распаленное воздержание крѣпкимъ напиткомъ удовлетворенной стра-

сти. Тогда женщина играет свою послѣднюю роль. Въ ней уничтожено все человѣческое. Проходя стадіи развитія соотвѣтственно творческому направленію В. Брюсова, она не только давно оставила за собой послѣдній клочекъ одежды, способный прикрыть и защитить, но и стыдъ жены, требовательную гордость любовницы, безсловесную ревность рабы. Все это исчезло. Осталось неутолимое, слѣпое тѣло, жадный высасывающій ротъ, наглыя, вѣчно несытыя груди, дрожащія отъ желанія новыхъ встрѣчъ.

Но и эта простѣйшая форма кажется тягостной и узкой нашему поэту.

Вѣдь тамъ, гдѣ остался хотя-бы остовъ личности, ея грубѣйшія очертанія, все-же правитъ инстинктъ выбора и самосохраненія.

Обнаженная природа, даже распята на постели извращенца, сдѣлаетъ свое единственное священное дѣло: даетъ потомство и очистится своимъ материнствомъ.

Но этого не должно быть! Эстетика преждевременнаго безсилія—и плачь ребенка! „Ужасъ новыхъ границъ“, „тайные соблазны“, „дрожащихъ членовъ выгибы и зной“—и вдругъ чья то колыбель, чьи-то слабые, незащищенные пальчики.

Какой ночью, какимъ еще ужасомъ и „восторгами“ защитить свой жеманный, пресыщенный и похотливый эгоизмъ отъ послѣдней отвѣтственности и простѣйшаго долга?

И выходи найденъ.

Въ густыхъ сумеркахъ, на рубежѣ дня и ночи муза В. Брюсова дѣйствительно теряетъ послѣднія черты своего земнаго происхожденія. О эти двѣ

сестры, соперницы и нѣжныя подруги, припавшія къ *общему* мужу. Эти руки, слипшіяся въ одинъ жадный узелъ, эти тѣла, связанные сладчайшими узами кровосмѣшенія. И какими нѣжными, проникновенными стихами воспѣта послѣдняя человѣческая грязь. Какъ на звонкихъ качеляхъ скользятъ рифмы и образы, тонкимъ вкусомъ знатока и эрудита отмѣчена гнойная печаль падшаго Ангела.

„Жуткій шорохъ, вскрикъ минутный,

„Въ тишинѣ мелькнувшій звукъ,

„Тѣней муть и образъ смутный

„Изъ шести сплетенныхъ рукъ“...

„Грубый реализмъ“ возразятъ мнѣ цѣнители красиваго, „Дешевый здравый смыслъ, маленькій и смѣшной передъ самоцѣльнымъ гениемъ. Съ этой точки зрѣнія и Пушкина можно сдѣлать извращенцемъ“.

Прекрасное возраженіе; его послѣдствія неожиданны и значительны. Липкій туманъ поэтическаго гарема рѣдѣетъ и осѣдаетъ. По угламъ еще прячется всхлипываніе и сюсюканье, но и то робко, почти стыдливо исчезаетъ. Откуда-то проникъ слабый, трезвый блескъ утреннихъ часовъ.

Пушкинъ, твое имя потревожили и твою ясную вѣчность. Поднятая руками гиганта, омытая слезами и восторгами, по прежнему велика и безсмертна вселенная.

Вотъ Лебедь, прильнувшій къ Ледѣ, матовый, легкой торсѣ Діаны-охотницы, полные грозди Діониса. И рядомъ съ ними, какъ счастье и радость любви, цѣломудренный человѣкъ.

Все это забыто?—Забыто!

Л. Храповицкій.

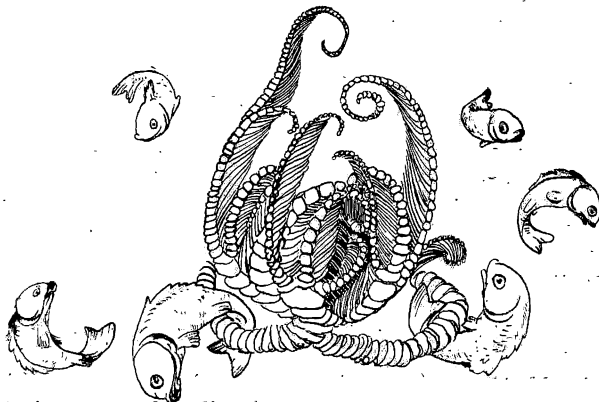
В. СВЯТЛОВСКІЙ.

Море.

Въ морскія нѣдра—сны могильные
Звенящій свѣтъ съ собой несутъ,
Въ лѣсахъ подводныхъ—змѣи сильныя
Узоры мудрые плетутъ;

Тѣла свиваютъ въ цѣпи длинныя,
Въ объятыхъ держатъ корни скаль,
И жала дѣвственно—невинныя
Ласкаютъ пурпурный коралль.

Такъ въ темныхъ пирамидахъ муміи
Хранятъ застывшія черты,
Въ кудряхъ съдыхъ—цвѣты, безумія
Священной юности цвѣты!

М. А. РЕЙСНЕРЪ.

„Поговорили“.

(О щегловитости).

Позвольте для начала, государь мой милостивый, задать вамъ нѣсколько предварительныхъ вопросовъ.

Итакъ во-первыхъ, скажите мнѣ, кто будетъ болѣе беречь и, такъ сказать, дрожать надъ каждой паршивой овечкой или жалкимъ поросенкомъ изъ своего стада, тотъ, кто имѣетъ тысячи головъ скота, или тотъ, у кого ихъ всего нѣсколько штукъ? Несомнѣнно второй?—Вы со мной согласны.

Во-вторыхъ, не подтвердите-ли также, что человекъ, имѣющій миллионы, будетъ менѣе тревожиться и огорчаться въ случаѣ потери нѣсколькихъ цѣлковыхъ, нежели тотъ, у кого ихъ имѣется, ну скажемъ, нѣсколько сотъ? Правильно, да?

Теперь перейдемъ къ псложенію третьему. Предположимъ, вы получаете доходъ съ капитала, который помѣщенъ въ промышленное предприятие современнаго, такъ называемаго капиталистическаго типа, со всевозможными кризисами, конъюнктурами, забастовками, локаутами и биржевой спекуляціей, которая, какъ вамъ извѣстно изъ вѣщаго возлюбленнаго Маркса, ставятъ васъ въ самую плачевную зависимость отъ тысячи случайно-

стей и капризовъ различнѣйшихъ вамъ неизвѣстныхъ лицъ. Хорошо?

Въ то же время я, представьте себѣ, живу не съ капитала, а со своего крупнаго имѣнія, которое въ той или иной формѣ передано мной для полученія соотвѣтственнаго дохода земледѣльцамъ, няходящимся отъ меня въ крѣпостной зависимости или же въ другой формѣ, ну скажемъ, въ качествѣ половниковъ. Во всякомъ случаѣ я живу, замѣтите себѣ, съ крестьянъ, находящихся въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, и очень мало приобрѣтаю со стороны

Ну-съ, теперь вопросъ: кто изъ насъ будетъ независимѣе, спокойнѣе, устойчивѣе въ нашемъ матеріальномъ обезпеченіи. Вы или я?

Дорогой мой, хоть я и не марксистъ и не исторической матеріалистъ, но я вамъ скажу на основаніи самой настоящей политической экономіи, что единственно свободнымъ и независимымъ буду я, а никакъ не вы, мой прелестный! И въ этомъ все. Пояснить?—Сколько угодно.

Когда вы получаете ваши дооды съ торгово-промышленнаго капитала, вы заинтересованы въ

слѣдующихъ вещахъ—я перечислю, если разрѣшите, по пунктамъ:

Прежде всего въ социализмѣ и коммунизмѣ, — ха, ха, не ожидали?—а между тѣмъ, вѣдь, господа товарищи на вашей фабрикѣ не стануть ничего дѣлать, а слѣдовательно и работать на васъ, мой другъ, если вы имъ не учредите больничныхъ кассъ, всякихъ страхованій, охраны труда, свободы союзовъ, собраній, неприкосновенности и права революционной болтовни съ демонстраціями и прочими развлеченіями дорогихъ пролетаріевъ.

Затѣмъ, если вы только желаете, чтобы ваши акціи не провалились ко всѣмъ нечистымъ, вы должны ухаживать за ея величествомъ—прессой, журналистами, газетчиками, репортерами, памфлетистами и прочей братіей, которая не только кушаетъ отъ крохъ биржи, но и дѣлаетъ по соотвѣтственному заказу вѣтеръ и бурю въ сферѣ ажіотажа. Отсюда, ха, ха, акція оказывается неизбежно связанной съ свободой слова, печати, отменной цензуры и прочими прелестями обновленія!

Этого мало, другъ мой. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ каждая копѣйка становится нервной, чувствительной, прямо истерической особой. Вы не смѣете распоряжаться по вашему усмотрѣнію ни податями, ни повинностями, ни тарифами, ни пошлинами, вы не можете ни копѣйки занять у вашихъ пріятелей, не дерзаете выбросить хоть что-нибудь на „вамъ одному извѣстныя“ цѣли безъ того, чтобы ваши акціи не запрыгали, какъ сумасшедшія то вверхъ, то внизъ, и въ концѣ концовъ не подвергли васъ невѣроятнымъ потрясеніямъ.

Вотъ почему, голубь вы мой, мы учреждаемъ парламенты, созываемъ представителей, учиняемъ бюджеты, являемся въ милыя финансовыя комиссіи, засѣдаемъ за однимъ столомъ съ лохматыми брехунцами, почтительно выслушиваемъ замѣчанія какого-нибудь захолустнаго костоправа и отаѣчаемъ на запросы сдѣлавшаго карьеру прикащика. Но лучше имѣть этотъ содомъ и говорильню у себя подъ бокомъ, пройти этотъ—съ позволенія сказать—контроль предварительно, бросить каждой пасти нужную ей кость, чѣмъ вѣчно ждать сюрпризовъ и получить въ концѣ концовъ отказать въ деньгахъ въ виду полного, де, краха народнаго хозяйства.

Вы понимаете,—когда ваша копѣйка проходитъ сразу тысячи рукъ, и за каждымъ оборотомъ стоятъ горланящіе банкиры, воюющіе промышленики и бастующіе рабочіе—тутъ безъ парламентаризма не обойдешься.

Политическая и юридическая отвѣтственность министровъ, кабинетъ изъ общественныхъ дѣятелей, вотумы довѣрія въ парламентѣ—только выводы изъ бухгалтеріи и, чортъ бы ее побралъ, политической экономіи!

Совсѣмъ иначе, голубчикъ, представляется дѣло при наличности уже упомянутаго мною хозяйства, типа, такъ сказать, натурального, мужицкаго.

Здѣсь у меня такихъ заботъ нѣтъ. Земледѣлецъ имѣетъ потребности скромныя. Бухгалтеріи не обученъ. Плотить подати и размножается. Благодаря закаленности духа и тѣла бѣдствія переносятъ съ легкостью чрезвычайной.

Не могу безъ особеннаго чувства говорить объ этой опорѣ отечества. Что поселянину нужно? Скромный погостъ съ могилками пращѣдовъ? Тихонькая церковка со святой Пятницей? Незатѣйливая гармоника съ пѣсней разудалою, да посидѣлки вечерней порою?

Пахарь не знаетъ наглой гордыни. Смиренія

исполненъ, онъ все принимаетъ какъ даръ небесъ. Нужно—жить, нѣтъ—умираетъ!

Скажите, развѣ такое „экономическое“ основаніе не представляетъ совершенно иныхъ чертъ, нежели ваше удивительное „товарно-капиталистическое“ производство?

Да, вѣдь, прежде всего я, какъ хозяинъ своихъ крестьянъ, абсолютно не заинтересованъ въ ихъ жизни, ихъ бюджетѣ, ихъ потребностяхъ, возрѣніяхъ, идеяхъ, фантазіяхъ и причудахъ. Они сами по себѣ, а я самъ по себѣ!

Мнѣ отъ нихъ нужно, чтобы они платили, и они платятъ. Мертвые или живые, богатые или бѣдные, трезвые или пьяные, но разъ ихъ милліоны, то я обезпеченъ.

Экономическій матеріализмъ исчезаетъ. Водворяется съ одной стороны безкорыстное великодушіе, съ другой такая же преданность.

Имѣ отъ меня нужно только, чтобы я существовалъ, какъ высшее начало!

И я существую!
Ясно, что лишь на такой основѣ можетъ расцвѣсти истинная государственность. Ибо здѣсь впервые возможно свободное правительство.

Власть, не ограниченная биржей, прессой, финансами.

Власть самодовлѣющая и творческая.
Власть, которая существуетъ не для мелкихъ интересовъ сегоднешняго дня, а сама для себя, для своихъ великихъ задачъ.

Зрѣлище, которое несомнѣнно предносилось геніальному розмаху покойнаго Петра Аркадьевича.

И въ самомъ дѣлѣ.
Попробуйте набросать перспективы и возможности.

Начнемъ съ модной стороны, экономической.
Развѣ вы не прозрѣваете, какъ широкой морской каналъ прорѣзаетъ всю Россію отъ Сѣвернаго ледовитаго океана до Каспія. Развѣ не возможно съ нашими средствами создать въ Костромской губерніи Черное море? Развѣ въ дѣйствительности не шумѣлъ дремучій лѣсъ тамъ, гдѣ, какъ это было въ Либавѣ, протекли волею человѣка солёныя морскія волны, и подъ ажурными мостами промчались миноносцы?

Васъ интересуетъ воздухоплаваніе? Но при неограниченной свободѣ административнаго творчества мы создадимъ вамъ не только летающихъ Муромцевъ, мы дадимъ вамъ летающія бочки, летающіе дома, въ воздухѣ плавающіе улицы и памятники!

Просвѣщеніе! Но вѣдь есть же у насъ буквари и отставные солдаты, знающіе грамотѣ, есть псалтыри и молитвенники, имѣются въ достаточномъ количествѣ псаломщики и дьячки, дабы просвѣтить темныхъ, дать ихъ умамъ свѣтъ истиннаго знанія—того, которое спасаетъ душу!

А для художества и науки—удаленные отъ злободневной суеты обители и пріюты, избранные и достойные мужи съ необходимой объективностью въ тиши кабинетовъ и студій творящіе вѣчныя цѣнности, не для безумной черни, не для тупой массы, а для утонченныхъ цѣнителей и знатоковъ, истинныхъ сыновъ духа!

Ха-ха-ха! Что вы на меня такъ смотрите? Вы думаете у насъ нѣтъ идеи? Въ томъ то и суть, что у насъ не только есть идеи, но мы одни, понимаемъ-ли вы это, мы одни смѣемъ, можемъ и въ дѣйствительности дерзаемъ воплощать идеи. Болѣе того, мы служимъ именно чистой формѣ, государственному абсолюту, идеѣ, которая совершенно

оторвана отъ жалкой презрѣнной земли и находить удовлетвореніе сама въ себѣ.

Вы удивляетесь, почему мы въ монархической странѣ, гдѣ сто семьдесятъ милліоновъ людей присягаютъ на вѣрность монарху, а во время войны стоятъ за царемъ милліоны штыковъ, мы называемъ себя монархистами и дерзаемъ этимъ самымъ заподозривать въ измѣнѣ всѣхъ другихъ?

Въ странѣ, которая вся сплотилась для отпора вражескому нашествію, мы провозглашаемъ грядущую революцію и рѣшаемся спасать отъ этой революціи весь государственный строй?

Въ Россіи, объемлющей всѣ народы восточной Европы и Сѣверной Азіи, клеймимъ, какъ предателей и злоумышленниковъ милліоны гражданъ, нынѣ проливающихъ свою кровь за отечество, позоримъ и порочимъ цѣлые народы и вѣроисповѣданія?

Ха-ха-ха, дорогой мой, въ томъ то и суть, что у насъ есть фантазія и „экономическая“ беззащитность, вдохновеніе и „юридическая“ безответственность, и мы еще слишкомъ скромны и воздержанны при нашихъ ресурсахъ и средствахъ.

Мы можемъ все. Ты думаешь, холопь, что насъ могутъ остановить жалкія потери пары милліоновъ рублей?—Но нашъ мужичекъ намъ нанесетъ ихъ безконечное количество. Ты полагаешь, что мы

вообще можемъ подсчитывать отдѣльные существованія, которыя ложатся какъ стебли подъ нашей жатвенной машиной, но развѣ ты не знаешь, что на мѣсто выбывшихъ единицъ становятся десятки, на мѣсто сотенъ рождаются новыя тысячи.

Вотъ дуракъ-то. Ты воображаешь, для насъ законъ писанъ? Вчера мы были нѣмцы и за нѣмцовъ, а сегодня мы перекрестились изъ Гартовъ въ Лызины, изъ Доблеровъ въ Поповицкіе, изъ Штукмейстеровъ въ Подхалимовы.

Мы вчера были противъ войны, французовъ и англичанъ, а сегодня мы за войну и противъ нѣмцевъ. Сегодня мы за Иліодора, а завтра за Пентефрія, за поляковъ и противъ нихъ, только всегда противъ жидовъ, такъ какъ гдѣ жидъ, тамъ бухгалтерія, а гдѣ бухгалтерія, тамъ нашему брату крышка.

Такъ-то голубонька.

Вотъ тебѣ и весь сказъ.

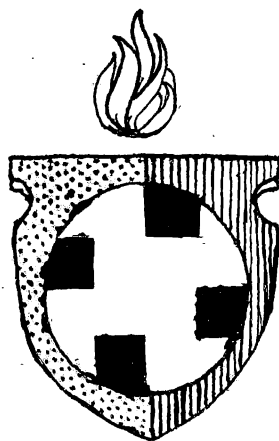
Ежели у человѣка есть доходъ, даровой, за который отвѣчать ни передъ кѣмъ не приходится, то можно и потѣшить душеньку.

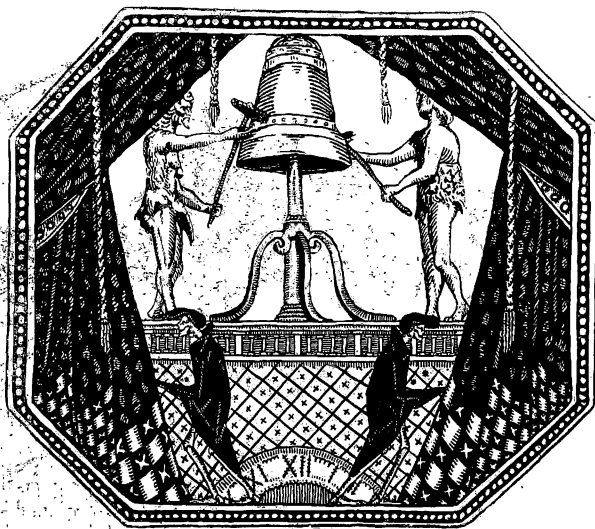
Фига.

Ну, довольно. Чего буркалы вытаращилъ?

Не разговаривать! Пошелъ вонъ!

М. Рейснеръ.

ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ.

Венеція.

Уже длиннѣй и легче стали тѣни,
Мосты упруго изогнули спины,
Прошелъ мошенникъ съ шапкой на бекрени,
И чудаки одѣли пелерины.

И все сильнѣй античныя дурманы,
Холодный мракъ безжалостно расколотъ,
На мертвой башнѣ быстрые Вулканы
Приподняли и опустили молотъ.

И ты такъ строго, такъ неуловимо
Хранишь на всемъ старинныя печати,
А помнишь, какъ ты отняла у Рима
Литыхъ коней монументальной рати,

И какъ потомъ благословивъ стихію,
Во времена крестоваго разгула,
Твои купцы уплыли въ Византію
Гдѣ ихъ хранила золотая булла.

Когда-же пальцы тонкаго Беллини
Сжимали кисти бережно и плотно,
Какой восторгъ рождающихся линій
Узнали обнаженныя полотна.

И сколько музъ непознанныхъ и грацій
Открыли чьи-то бѣшенныя пытки—
Теперь подъ колоннадой прокурацій
Не вѣрятъ въ ядовитые напитки.

Но я люблю сквозь старые атласы
И сквозь давно неношенныя цѣпи
Смотрѣть на искривленныя гримасы
И на развратъ твоихъ великолѣпій

И опускать въ исчерпанныя бездны
Своихъ корней извилистыя ткани,
Пока драконъ, ревущій и желѣзный,
Не оборветъ моихъ очарованій...

И. И. Е. т. а. о. в. а.

ИВАНЪ ЕВДОКИМОВЪ.

На вечерней набережной.

Горятъ огни Проходятъ франты.
Гудятъ рожки и здѣсь и тамъ.
Елизаветины куранты
Поютъ отходную мечтамъ.

Молчатъ дворцы—темны фасады.
Качаетъ бакены Нева.
Буксиромъ тянутся армады—
Желтѣетъ тесь, торчатъ дрова.

Иду, какъ всѣ, неторопливо,
„Коль славень“ бьютъ колокола.
Мяется, скачетъ, городъ—диво,
И улулюкаетъ юла.

РИКИ-ТИКИ-ТАВИ.

„Россія въ мечтахъ и ожиданіяхъ“.

Публичная лекція Ф. Сологуба.

Мы привыкли находить въ социально-исторической жизни слѣды борьбы, своеобразный отпечатокъ сословнаго или классового соперничества. И только въ процессѣ культурнаго роста, общаго народнаго и національнаго развитія, происходитъ постепенное сращаніе временныхъ общественныхъ типовъ или идеологій.

Феодальный баронъ и вилланъ, придавленный крѣпостной зависимостью, въ общемъ историческомъ итогѣ даютъ „Monsieur“ современной Франціи.

Англія создаетъ свои рабочіе союзы по образцу рыцарскихъ орденовъ, свободныхъ и надменныхъ братствъ XVI вѣка, гдѣ „всѣ для одного, и одинъ для всѣхъ“. Недаромъ Верхарнъ и Уитманъ грезятъ новой Илиадой, королемъ Артуромъ, рыцаремъ безъ страха и упрека, кавалеромъ горячаго горна и бездонной шахты.

И всетаки на красномъ полѣ современной вой-

ны борется и погибаетъ безымянный боецъ, чей гербъ не украшенъ рыцарской перчаткой или клицами вольныхъ городовъ.

Что принесъ онъ съ собою, этотъ иноплеменникъ, съ „тусклымъ, всегда опущеннымъ, забраломъ и безцвѣтной одеждой?“

„Смирение и вѣрность“.—Говорятъ одни...

„Слабость и самоуниженіе, нетрезвое покаяніе и неизлѣчимые пороки“—Предостерегаютъ другіе.

Но не будемъ гадать, чтобы не ошибиться; пусть поэзія великаго народа расскажетъ о его жизни и страданіи. Она его пѣвучая радость, отдыхъ и надежда—она не солжетъ.

Федоръ Сологубъ въ числѣ другихъ прославленныхъ поэтовъ поставилъ и по своему разрѣшилъ вопросъ:

„Чтоже вынесла Россія изъ своего прошлаго, и какимъ было это долгое, бозымянное прошлое?“

Но, какъ это ни странно, вспоминая дальнія были своей родины, поэтъ не разу не упоминуть ея долгаго, и, быть можетъ, величайшаго расцвѣта.

Неужели за тяжестью татарскихъ погромовъ, за долгими сумерками холопскаго прозябанія—на- всегда исчезло шумное вѣче Великаго Новгорода, широкіе торговые пути на югъ и востокъ?

Пусть умилительныя скромныя часовенки, затеряныя среди одиноко коснѣющихъ полей—но были же и торговые ряды, палаты и храмы, въ XII вѣкѣ затмившіе шаблонъ византійскихъ образцовъ. Была тонкая, изысканная письменность, гусельный звонъ эпической поэзіи, гласная и всеобщая политическая жизнь торговый вольницы.

Вѣдь это—тоже прошлое Россіи, эти ожесточенныя драки бояръ и „мужей свободныхъ“ на широкомъ мосту черезъ Волховъ.

И какъ тяжело, какъ мужественно оно погибло, это сказанное „европейское“ прошлое, задавленное грязной татарской лавиной и несравненной корыстью собственныхъ баскаковъ.

Но объ этомъ—ни слова. Да и понятно:

Вначалѣ своей лекціи г. Сологубъ предложилъ своеобразный методъ историческаго изслѣдованія, основаннаго не на положительныхъ фактахъ, но на „чаяніяхъ, ожиданіяхъ“.

И, Боже мой, какими близорукими и жалкими оказались „чаянія“.

Въ прошломъ—понурые смиреніе, полное отсутствіе „гордыни“, самозаушаніе и кликушеское благочестіе.

И все это—на фонѣ общеизвѣстнаго отеческаго пейзажа, съ его безнадежно—унылой березкой, и скудными, куда-то убѣгающими полями.

Все это очень печально, очень голо и безобразно?

Отнюдь нѣтъ! Вѣдь это все, и тоскливая природа, и неряшливая, глубоко запущенная народная душа, все, это свое собственное, давно привычное, приросшее къ тѣлу.

„Родина“, „Отечество“, некрасивая, но горячо любимая „Мать“, вотъ какими понятіями прикрывается болѣзнь, ставшая привычкой, притупленное воображеніе, опустившее крылья. сонное и плачевное.

Однако, какъ ни самобытенъ русскій человекъ, изъ этой войны онъ, по мнѣнію поэта, долженъ извлечь нѣкоторые полезные уроки.

Сердце и душу его воспитала исторія. Онъ

умѣетъ любить беззавѣтно, вѣрить ожесточенно, грѣшить и каяться съ одинаковымъ рвеніемъ, прощать и терпѣть въ какомъ угодно количествѣ.

Пора на податливую, слабую середину одѣть крѣпкую форму западной государственности.

Европа научить чуткое, отзывчивое сердце не только благимъ порывамъ, но и грандіозному, слѣпому самозабвенію.

И если тогда понадобятся новыя гекатомбы слезъ и крови, безпримѣрные жертвы и подвиги—они будутъ принесены.

Распущенное, больное тѣло, схваченное стальнымъ корсетомъ соціальной техники, механической выправки и подчиненности, будетъ умирать съ благодарностью.

Какъ-то неволью возникаетъ вопросъ: у кого же изъ нашихъ союзниковъ мы найдемъ наиболѣе полное воплощеніе всемогущей и всепроникающей государственности, о которой г. Сологубъ такъ заразительно-сладко мечталъ на своей публичной лекціи?

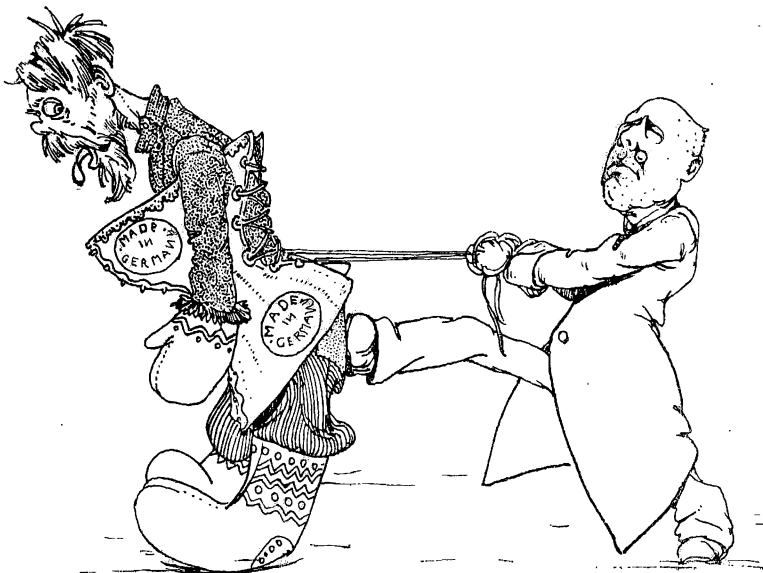
У Англіи, которая въ лицѣ величайшихъ своихъ философовъ обнажаетъ секреты массоваго внушенія и въ спокойной тишинѣ клиникъ, лабораторій и университетовъ готовитъ возстаніе человѣческаго духа, его очищеніе и независимость?

Не слѣдуетъ забывать, что именно въ Англіи искусство, не теряя своей полноты и свободы, возвысилось до чудовищной сатиры Т. Д. Уэльса и поставило передъ дремлющей совѣстью всѣ безобразныя идеалы машиннаго и казарменнаго строя.

Остается Франція. Франція, которая подняла мятежъ противъ старой догматической теоріи „государственнаго суверенитета“ и, благодаря трудамъ Дюги и Оріу, сдѣлала невозможнымъ существованіе деспотическаго катехизиса.

И кто, зная ея искусство и поэзію, ея философію и политическую жизнь, заподозритъ Зола, Бергсона или Пуанкаре въ проповѣди духовнаго окостенѣнія, механической и побѣдоносной Воли.

Нѣтъ, только Германія во всемъ блескѣ своей военно-технической организаціи вполнѣ отвѣчаетъ самымъ строгимъ требованіямъ лектора. Очевидно, отъ нея славяне примутъ истинный свѣтъ просвѣщенія, и, минуя всѣ терніи духовнаго развитія, сразу вступятъ, какъ равныя въ звѣринецъ воинствующей торговли и торгующаго милитаризма.

А. Топикова

Θ. Сологубъ и русская душа.

Библиографія.

Б. Садовскій. Изд. б. М. В. Попова. Петроградъ, 1915.

О г. Садовскомъ писано много справедливаго и не справедливаго. И за всѣми упреками въ стилизации упустили одно: въ г. Садовскомъ бунтуетъ и просится наружу очень большой художникъ, и художникъ этотъ часто очаровываетъ, и образы его, скованные прекрасной формой, запоминаются рѣзко и отчетливо.

Въ книгѣ „Лебединые клики“—двѣ повѣсти—„Лебединые клики“ и „Двуглавый орелъ“. Въ первой г. Садовскій даетъ просторъ своей мастерской пресыщенности; его уплотненные, насыщенные блескомъ и холоднымъ жаромъ образы виртуозно располагаются въ благородной планомѣрности, и съ какою-то беззаботностью онъ цѣлыми пригоршнями разбрасываетъ насыщенные запахомъ полей, расцвѣченныя золотомъ и перламутромъ слова.

Ахъ, эпитетъ такъ труденъ! Объ этомъ твердо помнилъ Флоберъ, и разговоры его объ эпитетахъ весьма поучительны, но наши Флоберы, наши весьма мало чтутъ эту науку, поэтому ихъ всѣ читаютъ, но прочитавъ, забываютъ.

Г. Садовскій, видно, твердо запомнилъ уроки Флобера.

Вотъ, на примѣръ:

„Въ небѣ стлалась дымкой, уплывая въ глущину, голубовато-мглистая ясность, юньская ясность, что задолго передъ зарей густѣетъ, будто наливаются спѣлымъ сокомъ, а вмѣстѣ съ закатомъ начинается тихо-тихо глѣть и до восхода все равно никогда выгорѣть не успѣетъ. Съ самаго утра виснеть въ воздухѣ эта тихая дымка въ погожий юньскій день; сладко дышать неисчерпаемой дремотной ея истомой, но съ отдохновеніемъ и нѣгой закрадывается ласково въ грудь такая неодолимая, такая блаженная печаль, что никакъ не разберешь, плакать-ли хочется отъ нея или смѣяться, а ужъ сердце, сгорая, млѣетъ. Въ такіе дни даже озерные стрижи не визжать и не срываются съ небесъ угорѣлымъ летомъ, а высоко распластавшись черными крестиками, какъ гвоздями прибитые къ небу, чуть пошевеливаютъ лѣниво острыми крыльями.“

А вотъ истинно-гомеровская вакханалія:

„На блюдѣ, покачивая царственно-изогнутой шеей, вздымался бѣлый лебедь: совсѣмъ бы живой, только черезъ оба его крыла проходили крестъ на крестъ два золотыя вертела. Генеральъ положилъ себѣ изрядный кусокъ бѣлаго мяса. Сергій не захотѣлъ ѣсть лебедя: не подымалась рука рушить зажареннаго пѣвца, и онъ предпочелъ ему *Сарданпалову болѣбу*, кулинарное ухищреніе княжескаго повара—француза“.

Страница за страницей, смѣло, какъ-то даже разбрасываетъ г. Садовскій блески своего вдохновеннаго фейверка, и удивляешься, что въ наше время, когда потерянная писательская добродѣтель украшаетъ своими вялыми вѣнками даже лучшіе головы,—г. Садовскій отважился быть мастеромъ и, конечно, понесъ и несетъ соотвѣтственную кару, продиктованную застѣнками современной критики.

Повѣсть „Двуглавый орелъ“ написана съ меньшимъ подъемомъ, но и тамъ встрѣчаются чудесныя страницы.

„Въ первый разъ въ жизни золотистыя, мягкія, кудри Сонечки, зачесанныя въ высокій войлочный корабликъ, осеребрились снѣжной, блестящей пудрой; впервые корсетъ сдавилъ и поднялъ полудѣтскую ея грудь; штофная голубая роба на физмахѣ изъ китоваго уса колоколомъ легла до земли, окруживъ волнами точеныя ножки, такъ что еле выглядывали кончики крошечныхъ туфель на красныхъ, высокиихъ каблукахъ. Тонкую лебяжью шейку защелкнуло алмазное ожерелье, а изумрудные подвѣски-серьги, качаясь спускались до самыхъ плечъ“.

Развѣ не хорошо?

Какъ мало у насъ истинныхъ художниковъ, и, какъ много г.г. критиковъ, которые говорятъ объ истинныхъ художникахъ.

Сказать—стилизиация—очень легко, но написать „Лебединые клики“ и „Двуглавый орелъ“ очень трудно—и очень трудно написать художественно и мастерски.

Дим. Крачковскій.

М. ЛАРИНЪ.

Труба Іерихона.

(На лекціи В. Г. Тана).

Когда у лягушки вырѣзаютъ оба полушарія, она продолжаетъ жить и мыслить—но только не солнечнымъ сплетеніемъ, а такъ сказать, спиннымъ хребтомъ.

Тоже, примѣрно, находимъ мы въ иныхъ случаяхъ, когда почему-либо парализуются наши задерживающіе центры, а мышленіе переходитъ въ

область подсознательнаго и дѣйствуетъ внѣ контроля высшаго мозгового аппарата.

Въ обывательской жизни такое мышленіе встрѣчается довольно часто; оно признается особой способностью: разсуждать „по душамъ“, говорить отъ „сердца“, изъ „нутра“.

И чѣмъ больше нутро, нѣжнѣе и слабѣе обы-

вательское сердце, тѣмъ больше стремленія къ такой спинно-мозговой „правдѣ“. На томъ же основана и пресловутая „женская логика“.

Счастливей ея особенностью является полная свобода отъ злыхъ законовъ логики: тождества и противорѣчія, исключеннаго третьяго и т. п.

И что вы ни толкуете подобной бабѣ, стоитъ она на своемъ, складываетъ огурцы съ калошами, упорно считаетъ пятницу субботой, а колѣни своего сосѣда пустымъ пространствомъ.

Ловить такую особу на противорѣчій—безплодная затѣя. Нутро не связано однимъ да: и Петеньку люблю и Ванечку мнѣ жалко. И никакой бѣды не происходитъ оттого, что вечеромъ сердце трепещетъ отъ щетинистыхъ усовъ жандармскаго унтера, а утромъ нѣжится душа съ юнымъ эсэромъ.

У Владиміра Германовича несомнѣнно женская душа—по Вейнинггеру на немъ стоитъ доброе двухаршинное „Ж“. Это совершенно было очевидно на его лекціи подъ заманчивымъ заглавіемъ: „цѣною пролитой крови“.

Давно ли его нутро увлекалось красными мальчишками и пѣло запретныя пѣсни, — буйный Петя тогда цѣликомъ владѣлъ Тановой душой, съ нимъ вмѣстѣ „Таня“ упивалась алымъ похмѣльемъ, предаваясь грѣшнымъ мечтамъ!

Потомъ „Таня“ обогатила свой репертуаръ: Петя допускался только изрѣдка, въ тихомолку, съ задняго крыльца. Главное мѣсто въ Тановой душѣ занялъ не то Павликъ, не то Костя. Люди съ положеніемъ, благонамѣренные, но съ крѣпкимъ оппозиціоннымъ душкомъ.

И кто знаетъ, можетъ быть солиднымъ гостямъ было пріятно, что „Таня“ расходуетъ излишества своего темперамента на лохматого Петю. Даже нравилось, что она подчасъ чувствовала себя немножко виноватой и въ эти дни старательно готовила пирожки съ малиновымъ вареньемъ.

Новыя обстоятельства, связанныя съ войной, новыя встрѣчи, снова отразились на слабомъ сердцѣ: да и какая бы женщина устояла! И чѣмъ меньше „Таня“ была способна сама къ роли грознаго вояки, тѣмъ болѣе она плѣнялась шпорами и усами.

И мы утверждаемъ, что именно сердечное увлеченіе безъ малѣйшей примѣси контролирующихъ центровъ заставило выступить почтеннаго Владиміра Германовича съ его невѣроятной лекціей.

Логически ее понять нельзя.

Судите сами:

Съ одной стороны Тань не только рассказываетъ, но всѣми жестами, фигурой, показываетъ, какъ онъ не хочетъ идти на войну и упирается всѣми четьрьмя конечностями.

Съ другой, онъ вдругъ переполняется необычнымъ пыломъ и чуть ли не съ кулаками бросается изъ зала городской думы прямо на зловреднаго Вильгельма.

Съ одной стороны нашъ добрый Тань провозглашаетъ войну высшимъ закономъ жизни, трубить ей гимнъ, какъ единому орудію прогресса, и тѣмъ благословляетъ всякую войну, во имя всякихъ цѣлей и на всякомъ мѣстѣ.

Съ другой, онъ же проповѣдуетъ мирный трудъ, мирный прогрессъ, мирное творчество! Гуманность—вотъ то слово, которое, какъ разъ у Тана получается отгѣнокъ сантиментальной слабости, женской нѣжности, дѣвичьей кротости.

Национальность! — И здѣсь повторилось тоже самое.

Тань оказался совершенно не въ состояніи провести границу между национальностью защиты и

націонализмомъ захвата, гальской идеей освобожденія челоуѣчества и германской—его порабощенія. Вышло даже такъ, что всякая национальность должна кончить кулачнымъ правомъ и боевымъ захватомъ, и это не измѣна, а дѣйствительное воплощеніе національнаго принципа!

Но лучше всего вышло съ демократіей. Идеальную англійскую систему огражденія личныхъ правъ гражданина, ея величайшее сокровище, — неприкосновенность личности и жилища, — нашъ добрый Тань почему то отождествилъ съ мелкимъ, гаденымъ себелюбиемъ и мѣщанствомъ и, Боже мой, какъ онъ торжествовалъ, что во имя войны, будто бы, стерты въ порошокъ права личной неприкосновенности, такъ гордо заявившія: „мой домъ—моя крѣпость:“ — „May house—may castle“.

Но развѣ Тань не знаетъ, что Англія до сихъ поръ создаетъ свои миллионныя арміи изъ добровольцевъ, что современная демократія именно въ защиту своихъ священныхъ правъ добровольно отдала свою „неприкосновенность“ и „свободу“, что не диктатура, а министерство единенія ведетъ на Западѣ войну?

Нѣтъ, Владиміръ Германовичъ, на эту войну людей не тащутъ, какъ вы это показывали, и пора бы освободиться отъ роковаго призрака тѣхъ въ каторгу забритыхъ лбовъ, которыми такъ славно торговали какъ разъ нѣмецкіе фюрсты XVIII вѣка!

Облыжно помянулъ „нелѣпостью“ г. Тань и единственнаго друга Россіи въ Германіи—Карла Либкнехта, который имѣлъ мужество протестовать противъ поднятаго въ нашу сторону панцырнаго кулака. Что дѣлать! Либкнехтъ немножко иначе смотреть на братство народовъ, нежели почтенный лектррь.

Яростно возставалъ В. Г. Тань противъ страха смерти: въ этихъ словахъ чувствовалось нѣчто возвышенное и героическое! И вправду, развѣ страхъ не худшее средство въ рукахъ всякой деспотіи? Еще Руссо указалъ на освобождающее значеніе героизма. Человѣкъ, боящийся смерти, никогда не одѣнетъ оковы!

Однако и здѣсь не сдумѣлъ лекторъ найти настоящаго слова: онъ совершенно не различилъ страха передъ своей смертью и страха передъ смертью чужой. Отдать свою жизнь одно, но отнять жизнь другого—„это двѣ разницы“.

Даже положительный законъ дѣлаетъ эту разницу; не мѣшало бы и Тану помнить то, что здѣсь устанавливаетъ уголовное право: чужая жизнь должна быть драгоценна. Вѣдь палачъ тоже чужой смерти не боится!

Во истину, въ предсказаніяхъ будущаго г. Тань былъ особенно великолѣпенъ: съ одной стороны онъ клялся и божился, что онъ „таки“ ничего не знаетъ и знать не можетъ, а предсказывать, Боже сохрани, совсѣмъ не берется, но съ другой онъ взялъ таки и предсказалъ.

Войны, какъ были, такъ неперемѣнно будутъ. Какъ міръ стоялъ—такъ будетъ стоять, и ничего не паремѣнится, и это очень хорошо, потому что какъ разъ германскій милитаризмъ могъ бы надолго прекратить войны, а грядущая побѣда союзниковъ обезпечиваетъ челоуѣчеству счастье непрерывныхъ войнъ.

Другое предсказаніе было еще лучше:

Война это есть мужчина, миръ это есть женщина, думаютъ, что это—отрицающія другъ друга вещи. Правда, теперь господствуетъ господинъ война, но послѣ него водворится другое царство: будетъ властвовать госпожа миръ, и кто скажетъ, что они непримиримы: война женится на мирѣ, и

у нихъ будетъ очень много потомства: объ этомъ уже постарается женщина. Какъ у Иова за одного барана родится десять, за одного осла—сотня, а человѣки, какъ песокъ морской.

Послѣднее предсказаніе было лучше всего:

Восторжествуетъ культура, но культура сведется къ счастливому и немудреному дѣлу: къ увеличенію народонаселенія и правильно поставленному акушерству. Это будетъ царство женщины!

„Чудо рожденія насъ равняетъ съ богами“, Петроградская молодежь на лекціи Тана вела себя довольно прилично: на ряду съ жидкими плесками слышалось благодѣтельное шипѣніе, а въ тихомолку отплеывались и ругались. И заслуженно.

Ларинъ.

А. Топиковъ.

В. Г. Танъ—„Чудо рожденія насъ равняетъ съ богами“.